

Андрей Кружнов

ПОРТРЕТ

МОЕГО ВРЕМЕНИ

В 4-Х ПЬЕСАХ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Кружнов

**Портрет моего
времени в 4-х пьесах**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Кружнов А. Э.

Портрет моего времени в 4-х пьесах / А. Э. Кружнов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В сборнике четыре пьесы о современниках автора. Время действия первой пьесы разворачивается в 90-е года прошлого века и в следующих пьесах заканчивается нашими днями. Их можно воспринимать как комедии и сатиру на события современной жизни. Развал советской империи, разрушение экономики, кризис общества, новый рост имперских амбиций - на этом фоне происходят семейные неурядицы, супружеские измены, разводы, любовные истории, поиск пресловутой стабильности и погоня за птицей удачи. Эта книга - художественная хроника постсоветской жизни. Содержит нецензурную брань.

Содержание

О книге	5
Святые уроды	8
Действие первое	9
Действие второе	25
Конец ознакомительного фрагмента.	37

О книге

Каждая из 4-х пьес в этом сборнике является хроникой своего времени, она написана с живых людей, отражает их быт и атмосферу, страсти и мысли современников автора, иногда можно услышать обценную лексику, щекотливые темы из интимной жизни героев. Автор предельно правдиво показывает то, о чём мечтают, за что борются и что любят его персонажи. Он сам жил среди этих героев.

Первая пьеса «Святые уроды» повествует о 90-х годах XX века, когда рухнула советская империя, и на её обломках осталась обычная провинциальная семья, где в одной квартире обитают три разных поколения и с трудом находят общий язык друг с другом.

Вторая пьеса «Встретились птицы и рыбы» на фоне любовной драмы, супружеской измены показывает нулевые годы XXI века, когда в Москве разрушается семья приезжих провинциалов.

Следующая пьеса «Моя жена стриптизёрша» это сегодняшние дни. У двух старых знакомых после большой разлуки внезапно возникает любовь и приносит им серьёзные испытания. Конфликт архаики и прогресса.

Последняя пьеса «Люди хаоса» – это сатирический взгляд на власть и подчинённых. Дирекция филармонии воюет с целым коллективом, чтобы остаться в кресле. Подкупы, интриги – все орудия бюрократии в борьбе за свою кормушку.

Книга проиллюстрирована самим автором.

СВЯТЫЕ УРОДЫ

/Эпизоды из провинциальной
жизни в 2-х действиях/

Святые уроды

(Эпизоды из провинциальной жизни в 2-х действиях)

Действующие лица:

СВЕТА, 24-28 лет, миниатюрная девушка с блуждающей улыбкой и серьёзными глазами;

ЮРКА, её муж, 30-35 лет, задумчивый молодой человек с недовольным взглядом;

ЛИДИЯ ПЕТРОВНА, мать Светы, 45-50 лет, плотная энергичная женщина с открытым лицом и нервным тиком;

БАБКА АННА, мать Лидии Петровны, 70-76 лет, худощавая женщина с юркими глазами и уставшим выражением лица;

ИГОРЁК, худощавый, отёкший, с жидкими волосами, неопределённого возраста.

Место действия: трёхкомнатная квартира с лоджией и кухней.

Действие первое

Ясное летнее утро. Большая зала трёхкомнатной квартиры в одном из провинциальных городов. В комнате висит несколько самодельных верёвочных кашпо, гипсовые разукрашенные маски и любительские картины в стиле то ли постмодерна, то ли примитивизма. Большое окно с выходом на лоджию открыто и занавешено марлей от комаров. Через лоджию видны верхушки берёз и небо – это третий этаж. За зелёной листвой проглядывают крыши деревянных домов – это окраина города: прилепившаяся сбоку деревенька, давно ставшая пригородом. На большом диване спят Света и её муж Юрка. Рядом детская кроватка, где спит маленький ребёнок.

Слышен звонок в дверь.

СВЕТА *(тяжело поднимая голову и глядя на часы).* Озверели, что ли, в такую рань.

ЮРКА *(не открывая глаз, уткнувшись в подушку).* Пошли в баню...

СВЕТА. А вдруг эта ненормальная пришла.

ЮРКА. У неё ключи...

Звонок становится настойчивым и долгим.

СВЕТА. Блин, с больной башкой... спать хочу... *(Поднимается, накидывает халат. Облизывает пересохшие губы.)* Юр, у нас газировка осталась?

ЮРКА. Не... Макс, по-моему, всё выдул.

В дверь начинают колотить руками и, видимо, ногами.

СВЕТА. Да иду, иду же!.. Охренели совсем.

Света уходит в прихожую открывать дверь. Входит Лидия Петровна с двумя сумками. Она нервозная и взмыленная, сразу же направляется на кухню. Света идёт за ней, помогая нести одну из сумок.

ЛИДИЯ *(прямо с порога).* Чё не открываете, трахались, что ли? Ключи не могу найти... *(Входит, умудряясь на ходу рыться в сумке.)*

СВЕТА *(сонным осипшим голосом).* Mam, успокойся. У тебя случилось чего?

ЛИДИЯ. Ой, отвали! Ну, дай пройти-то, господи... *(На самом деле Света ей ничуть не мешает.)* Встанет на пути вечно и обходи её. *(Проходит на кухню и выгружает сумки.)* Этот урод твой спит?

СВЕТА. Mam, ты чё охренела – с порога-то начинаешь. Ты чё вернулась-то? Поругались, что ли?

ЛИДИЯ. Ой! Отвяжись. Бабка Аня спит ещё?

СВЕТА. Ну, а чего же – время-то девятый час. Ты насовсем, что ли?

ЛИДИЯ. Девятый – горбатый. Я раньше в семь утра на завод бежала, к себе в кабинет. За это и уважали, поэтому и жратву всё время таскаю от людей. А то бы сдохли уже давно.

СВЕТА. Mam, ну чё ты опять начинаешь. Юрка не ест твои продукты.

ЛИДИЯ. Не ест. А крабовые палочки пропали из холодильника. Домовой, что ли, унёс?

Из комнаты слышится голос Юрки.

ЮРКА. Да ёш твою мать! Не жрал я ваши тухлые палочки.

ЛИДИЯ. Вот-вот – тухлые. А чё ж они из холодильника – сами испарились? Артист грёбанный свалился... *(Бормочет.)* Правильно говорят, что ни артист, то алкаш или педераст... или бездельник... *(Дальше бормочет что-то неразборчиво себе под нос.)*

СВЕТА. Ты ребёнка шас разбудишь. Может, тебе чаю поставить?.. Оставь сумки, я сама разберу.

Лидия Петровна садится за стол, с удовольствием отдавая сумки дочери.

ЛИДИЯ. Я у него все свои продукты забрала. Там ещё кабанятины кусок – на охоту недавно ходил.

СВЕТА. Бабаев твой?.. *(Нюхает пакет с кабаньим мясом.)* Фу, правда, воняет. Значит, ты насовсем?

ЛИДИЯ. Ты меня уже достала своими расспросами. Я вернулась к себе в законную квартиру. Что, боишься мешать буду? Глаза-то красные – опять пьянку устроили. При мне чтоб никаких гостей – выкину к чёртовой матери!

СВЕТА. Mam, мне пофигу – вернулась, значит, вернулась.

Из маленькой комнатки выходит бабка Анна, худенькая маленькая старушка с блаженной улыбкой.

АННА. Ой, Лидочка вернулась. Ну, слава богу, опять вместе заживём.

ЛИДИЯ. Откуда ты знаешь, что я вернулась? Опять под дверь, что ли, подслушивала? «Лидочка вернулась» – вижу, вон уже свои иконки на кухне поставила.

АННА. Лида, Господи, Христом богом клянусь, это не мои иконочки. Это их Света поставила.

ЛИДИЯ. Какая Света, чего ты городишь! Светка по гостям шастает да водку жрёт. Убирай, говорю.

АННА. Хорошо, хорошо, Лида, уберу. Как скажешь...

Бабка Анна тянется к маленьким дешёвым иконкам, которые стоят на холодильнике и на кухонных полках.

СВЕТА. Баб Ань, оставь. Mam, это мои иконки.

ЛИДИЯ. Чего ты эту выдру выгораживаешь. Ишь, согнётся в три погибели и ходит как блаженная: «Лидочка вернулась, Лидочка хорошая»... А сама за глаза такие мерзости говорит. Так и убила бы!.. *(Слегка тычет в неё кулаком.)*

АННА *(сильно отшатываясь в сторону).* Ой, Лидочка, Господь с тобой! Я тебе всю жизнь отдала.

СВЕТА. Mam, ты чё творишь-то. Баб Ань, иди к себе.

ЛИДИЯ. Жизнь она мне отдала. Ты лучше Расскажи, чего ты Горбоносовой натрепала.

АННА. Лидочка, я о тебе всегда говорю только хорошие слова.

ЛИДИЯ. Нет, ну не сволочь. Светка, я её шас задушу прямо тут.

АННА. Лидочка, пожалей меня старую. *(Молитвенно складывает ладони на груди.)*

ЛИДИЯ. Не выводите меня, анархистка чёртова. *(Свете.)* Знаешь, как она тут передо мной на коленях вставала, когда свой дом профукала – артистка ещё та! «Лидочка, я тебе все деньги отдам от продажи дома. Мне много места не надо». Хрен чего дала. Отцовский дом просрала!

Двухэтажный, с прудом, с садом, голландская печь. Где твои тридцать пять тысяч, скворечня старая?

СВЕТА. Мам, ну ты же знаешь, тогда падение рубля было... Как это слово – деноминация. Сейчас некоторые за месяц столько получают.

ЛИДИЯ. Я ей говорила – погоди, не продавай, видишь, чего в стране творится. Чего ты мне ответила?

АННА. Я уже не помню, Лида.

ЛИДИЯ. Всё ты помнишь! Я, говорит, верю нашему правительству. Советская власть меня в беде не оставляла, и эти не оставят.

АННА. Лидочка, я ведь не знала, что вот так вот всё...

СВЕТА. Баб Ань, иди от греха подальше. *(Выпроставивает её к себе в комнату.)*

ЛИДИЯ. Не знала. Всё ты знала. Голову надо было включать – отец за тебя всё решал, в доме палец о палец не вдарила. Всю жизнь у него жила как у Христа за пазухой.

СВЕТА. Мам. Успокойся и расскажи, чего у тебя стряслось. Здоровье побереги.

ЛИДИЯ. Ой, не знаю, что и говорить. *(Кричит в сторону бабкиной двери.)* Я тебе щас лоб расшибу, если будешь подслушивать!.. Знаешь, чего эта гнида Горбоносовой сказала?

СВЕТА. Ну?

ЛИДИЯ. Чего ну – говорит *(гримасничая, изображает Анну, певуче растягивая слова):* «Ли-идка ушла к этому нищелюду жи-ить. Потом на него всю квартиру перепи-ишет. Пустите меня к себе пожи-ить».

СВЕТА. Да ну, ерунда какая-то. Баба Аня знает, квартира приватизирована и на тебя, и на меня, как ты её отдашь.

ЛИДИЯ. Чего мне врать-то, иди у Горбоносовой и спроси. Ходит позорище устраивает.

Света рыскает по полкам.

СВЕТА. Спички куда-то подевались.

ЛИДИЯ. На балконе теперь ищи, курили, небось, со своим Максом...

СВЕТА. Ладно, у меня в записке есть. *(Достает из-под плиты коробку спичек.)*

ЛИДИЯ. Чё, Светка, уже не интересно почему я вернулась?

СВЕТА. Ты же сама не хочешь рассказывать. Заставлять, что ли, тебя. *(Разжигает плиту и ставит чайник.)*

ЛИДИЯ. Всё, нет у него больше квартиры.

СВЕТА. В смысле?

ЛИДИЯ. Ой, не знаю, путанная история: сын его бандитам должен чего-то был, чего-то они там перепродавали, куда-то вляпались... В общем, ему сказали, чтобы сын живой был, продавай квартиру и расплачивайся.

СВЕТА. Ничего себе. А где же самим жить?

ЛИДИЯ. Говорит, в Захарино поедут, у них там родня какая-то.

СВЕТА. Так в деревне работы нет, чего есть-то будут?

ЛИДИЯ. Ой, я не знаю, пусть у них голова болит. *(Намазывает бутерброд с вареньем и смачно кушает.)* Знаешь, чего мне сказал?

СВЕТА. Чего?

ЛИДИЯ. Пропиши, говорит, меня к себе в квартиру, чтоб я в городе работу нашёл. Я, говорит, квартиру сниму, жить будем.

СВЕТА. Ну. А ты чё?

ЛИДИЯ. Щас! У меня тут чё – армянское общежитие. Любовь она любовь, а пропи-ишешь, потом век не избавишься.

СВЕТА. Так прямо и сказала ему?

ЛИДИЯ. Ой, ну тебя! Как сказала, чё сказала – в окошко жопу показала.

СВЕТА. Mam, ты ведь щас весь батон сомнёшь. Да ещё с вареньем. Опять будешь охать: «Разнесло меня, разнесло меня».

ЛИДИЯ. Дак видишь, как понервничаю, так жру и жру. Что мне курить с вами начать?

Юрка выходит из комнаты и идёт в туалет. По пути он сворачивает в кухню и демонстративно сует Свете её трусики в карман халата.

ЮРКА. На полу валялись.

ЛИДИЯ. Ты чё с ним без трусов, что ли, спишь?

СВЕТА. А что – он муж мне.

ЛИДИЯ. Ну не знаю. Я с твоим отцом пятнадцать лет прожила, и он меня голой ни разу не видел. А вы ещё, поди, и при свете?.. *(Делает недвусмысленный жест.)* Смотри, Светка, развратишь мне ребёнка, я тебя своими руками придушу.

СВЕТА. Mam, может, поэтому вы и разошлись с отцом. Ей-богу, ведёшь себя, как пионерка на аборте.

ЛИДИЯ. А ты себя как шалава ведёшь.

СВЕТА. А с Бабаевым вы одетые, что ли, спите?

ЛИДИЯ. Да я с ним вообще не спала. Храпит как бульдозер. На кресле-диване себе стелил.

СВЕТА *(недоумевая)*. Бли-ин, вы б ещё в дублёнке трахались. И с лыжами на валенках.

ЛИДИЯ. Слушай, иди на хер со своими законами. И не учи свою мать жить! Я тебе последнее отдавала. А ты привела этого!..

СВЕТА. Mam, замолчи!

ЛИДИЯ. Третий год живёт на моей жилплощади, а хоть бы раз мамой назвал. Надуется как бирюк – здарсьте, Лидь Петровна. Как будто в казарме живу.

Слышен звук сливного бачка и из туалета выходит Юрка.

ЮРКА. Я свою родную мать никогда мамой не называл. А вы меня чего, усыновили, что ли?

ЛИДИЯ. Ты погляди. Так это положено из-за вежливости. Ты живёшь у меня, Юра.

ЮРКА. Я живу у Светланы. А «Лидия Петровна» – это и есть вежливость. Я тоже что-то не слышал, чтобы вы бабу Анну мамой называли.

ЛИДИЯ. Так она кровопийца моя, а я-то тебе чего плохого сделала? Всё для вас и стараюсь.

ЮРКА. Так – я пас.

Юрка уходит в комнату и запирает за собой межкомнатную дверь на щеколду. Дверь с большими вставками из стекла с узорами, через которые всё более-менее видно. Лидия Петровна подходит к двери.

ЛИДИЯ. Ты просто неблагодарный и жестокий человек. Валерка, бывший светкин муж, был намного обходительнее. *(Дёргает дверь.)* И кто тебе дал право закрываться в моей квартире?

Света подскакивает к матери и пытается оттеснить её от двери.

СВЕТА. Мама, оставь его в покое! Он творческий человек. Зачем ты Валерку сюда приплетаешь? Я за Валерку не хотела замуж, ты мне его подсунула: «Вон, глянь, в загранку плавает – в мехах, с машиной будешь».

ЛИДИЯ. И правильно говорила. А у этого, как у латыша: душа и больше ни шиша. Так Валерка твой меня мамой всегда звал.

СВЕТА *(вспыхнув)*. Он давно уже не мой! Ты знаешь, у Юры мать была пьяница, он в детстве одни драки и поножовщину видел – чего ты к нему домогалась «мама, мама»!

ЛИДИЯ. Вот он тебя алкоголичкой и сделает. И ребёнок у вас вырастет тоже стебанутый, если с ним будешь жить.

СВЕТА. Мама, я тебя щас расшибу чем-нибудь! *(Хватает пустую сумку и замахивается на Лидию Петровну.)* Замолчишь ты или нет!.. Замолчишь или нет!.. Достала уже всех!

ЛИДИЯ. Это вот так вот родную мать встречает!.. Не успела прийти, уже из дома гонят. Господи, да что б вы сдохли все!.. Суки, видеть вас больше не хочу. Забирайте своего ребёнка и чешите куда хотите.

СВЕТА. Уйдём, не бойся. Юрка собирается в Москву, уже насчёт работы договорился.

ЛИДИЯ. Да кому он нужен. Ошманделок! Это он в нашей дыре герой – *(пародирует кого-то, делая слащавым голос)* «Ой, и художник, и артист, и поэт». Хоть бы одну картину продал. Развесил по дому свою мазню – позор – у меня обои старые и то красивше.

СВЕТА. Ага, ты в живописи разбираешься, как пингвин в балете.

ЛИДИЯ. Бессовестная – такое матери говоришь. Да побольше вашего разбираюсь. Вон, сосед под нами – каждый день на рынке свои картины продаёт – вот это и есть настоящий художник.

Юрка не выдерживает, открывает дверь и подключается к общей сваре. Света сразу же становится между ними.

ЮРКА. Да ваш сосед свои картины за бухло продаёт – он алкаш и халтурщик. Он своих лебедей уже, наверно, двадцать лет рисует.

ЛИДИЯ. А людям нравится. Ему за это деньги платят. Зачем же его алкашом оскорблять. Вот ты без копейки – мужик называется – на шее у жены сидишь... Иди, продай свои картины, раз такой гениальный.

ЮРКА. Да не пишу я на продажу, это моё самовыражение – сто раз говорю! Я занимаюсь творчеством. Твор-чес-твом!

ЛИДИЯ. Чего же тебя из театра выперли? Там бы и самовыражался.

СВЕТА. Мама, его никто не выгонял, ты всё знаешь. Главный режиссёр не продлил с ним контракт, потому что он статью написал про его афёры с директором. Ты же слышала, они у актёров столовую отобрали и склад там сделали для мануфактуры. Юрка за справедливость боролся.

ЛИДИЯ. Справедливость – что ты! От зависти написал. Надо было самому бизнесом заниматься, а не обсирать знающих людей.

СВЕТА. Мама, ты чего несёшь. Они не имели права отбирать у людей столовую.

ЛИДИЯ. Помолчи, умная. Начальство на то и начальство, чтобы иметь право. Уж не таких ли им нищелюбов слушать? Пусть начальником становится и права свои качает. Нехрена лезть в чужие дела. Молчал бы в тряпочку, и работал бы до сих пор.

СВЕТА. Ну да, вы всем заводом промолчали, и ваши начальники быстро его обанкротили. Молчуны.

ЛИДИЯ. Этого ещё толком никто не знает. Ты что следовательно? *(Обижённо.)* Молчуны. А он говорун – в дырявых брюках теперь светится.

СВЕТА. Его актёры попросили написать. Почти полтруппы.

ЛИДИЯ. И что? Где ваши артисты? Что-то ни один не заступился. Молчишь?.. Мозгов у вас нету, всё на рожон прёте. Поэтому у вас и квартиры нет, и работы нет, и денег. А какое уважение может быть к таким дурачкам – никакого.

ЮРКА. Вам что, картины мои мешают? Так и скажите, зачем жизни-то учить.

ЛИДИЯ. Вы мне мешаете! Потому что жить не можете нормально. Живёте как уроды. Отовсюду вас выгоняют, все вас пинают. Я двадцать лет медсестрой в смотровом кабинете проработала. Мне до сих пор люди жратву приносят – возьмите, Лидия Петровна, в благодарность, мы вас помним. А муж твой безработным сидит, потому что не нужен никому.

СВЕТА. Мам, не передёргивай: мой муж сидит безработным, потому что ты отказалась его прописать. Иногородному без прописки, ты же знаешь, трудно работу хорошую найти. Ему в лицее так и сказали, прописывайтесь и приходите.

ЛИДИЯ. На станции вагоны разгружать – прописка не нужна.

СВЕТА. Ну спасибо. Сама что-то не пошла на станцию после смотрового кабинета. И отца туда не посылала.

ЛИДИЯ. Ну и хамка – престарелой матери предлагаешь вагоны разгружать.

СВЕТА. Ты ещё не на пенсии – «престарелая». И про вагоны я не говорила.

ЛИДИЯ. Говорила – кур доила... Надоели вы мне все хуже горькой редьки.

Лидия Петровна, видимо, выдыхается и уходит к себе в комнату. Юрка и Света запираются в своей зале.

ЮРКА. Всё, надо валить отсюда.

СВЕТА. Куда? В Москве квартиру снимать дорого. Никакой зарплаты не хватит. Ты что, асфальт будешь класть вместе с узбеками?

ЮРКА. Если на заочный поступлю, можно будет в общежитии жить.

СВЕТА. Если. А садик ребёнку? Кому ты в Москве нужен с временной пропиской. А я куда денусь?

ЮРКА. В общежитии кем-нибудь устроишься.

СВЕТА. Кастеляншей, что ли? Не знаю. Страшно мне, Юр.

ЮРКА. А тут не страшно? Корчевский вчера звонил, то ли сегодня, то ли завтра из Москвы приедет.

СВЕТА. Ему хорошо, у него и тут, и в Москве квартира.

ЮРКА. Когда богатая бездетная тётя умирает – всем хорошо. У нас все здоровые, злые и нищие.

Света выходит в лоджию и закуривает. Юрка включает кассетный магнитофон. Звучит медитативная музыка. Он садится в позу лотоса.

СВЕТА. Не хочешь? (Показывает ему дымящуюся сигарету.)

ЮРКА. Я же сказал, я бросил.

СВЕТА. Молодец. А я не могу. (Кивает на магнитофон.) Сделай потише, а то мать разорётся, опять, скажет, свою шарманку завели, чтоб меня выжить из дому.

ЮРКА. Бесполезно. Она жизнью по жизни обижена – чё-нить да ляпнет.

Лидия Петровна кричит из своей комнаты, но без особого энтузиазма.

ЛИДИЯ. Опять свою шарманку завели? Специально, что ль? Выжить меня хотите?

ЮРКА. Да. Я всё делаю специально и злонамеренно.

СВЕТА. Юр, не начинай, а. (*Матери.*) Мам, это музыка для медитации. Чтобы негатив ушёл.

ЛИДИЯ. Господи, что за идиоты рядом живут. Хотя бы одно полезное дело сделали, пошли бы на огороде лук посадили...

Лидия Петровна идёт в прихожую, переобувается в калоши, надевает выцветший плащ, садовые перчатки.

Горбоносова говорит, сажайте у меня, мне одной восемь соток много... Малкины вон картошку посадили. Редиску. Всё время на обед свежая зелень, укроп. Окрошку едят без пестицидов.

Из комнаты выходит Света.

СВЕТА. Мам, ты куда?

ЛИДИЯ. Копать пойду. Себе картошку посажу. Ну, и ребёнку ещё... От вас помощи не дождёшься. Творческие люди!

Хлопнув дверью, Лидия Петровна уходит.

СВЕТА. Юр, может, пойдём поможем, а?

ЮРКА. Мы в прошлом году посадили десять ведер картошки, а выкопали девять. Зачем спрашивается? Как говорил мой отец, не можешь кончить – не начинай.

СВЕТА. Ну, тогда жуки поели. А лук-то можно.

ЮРКА. Света, тебе охота тратить время на эту ерунду?

СВЕТА. Охота не охота. Надо с матерью как-то контакт налаживать. Ладно. Я, наверное, пойду помогу ей. Ты Дашеньку тогда покорми, когда проснётся. Бутылочка на подоконнике стоит в синей кастрюльке... Не проснётся – не буди, не надо, она с нами вчера полночи не спала... Всё Макс у рожицы строила.

Света идёт в прихожую, надевает резиновые сапоги, тёмную ветровку и садовые перчатки. Берёт большой целлофановый пакет.

ЮРКА. Пакет зачем? Сорняков нет ещё.

СВЕТА. Горбоносова обещала огурчиков из теплицы дать. Мало ли – пригодится.

ЮРКА. Ты с ней виделась, что ли?

СВЕТА. У магазина случайно встретила, когда за молоком Дашке ходила.

ЮРКА. Чего говорит?

СВЕТА. Хреново говорит. Сын кредит взял, а картошка пропала вся – какое-то удобрение левое сыпанул. Теперь отдавать чем не знают.

ЮРКА. Фермер, блин. Бабок ему всё мало.

СВЕТА. Так чё это плохо, что ли?

ЮРКА. Чего за деньгами бегать. Если надо, сами придут.

СВЕТА. Чё-то не приходят. Ладно, пошла я.

Света уходит. Через некоторое время из своей комнатки выглядывает бабка Анна. Осматривается по сторонам и заглядывает в комнату, где сидит Юрка.

АННА. Светочка ушла?

Юрка не отвечает, закрывает глаза и делает вид, что погружён в глубокую медитацию.

Музыку слушаешь? Ну хорошо... Музыка неприятная какая-то, прямо по мозгам скребёт.

ЮРКА *(не открывая глаз)*. Баб Ань, тебе чего?

АННА. Музыку бы потише сделал. Голова от неё болит.

ЮРКА. Наоборот эта от головной боли.

АННА. Ну не знаю. А по мне так плохая музыка. Чего-то дребезжит как-то непонятно. Зудит и зудит.

ЮРКА *(с тяжёлым выдохом)*. Да-а. Лидию Петровну понять можно.

Встаёт и идёт выключать магнитофон. Затем достаёт из-под стола таз с куском глины, ставит на стол и начинает разминать глину.

АННА. Чего говоришь?

ЮРКА. Я говорю, сегодня снег обещали.

АННА. Да ладно, городишь тут. В июне снег почему?

ЮРКА. Вы всё прекрасно слышите, зачем по сто раз переспрашиваете.

АННА. Глуховата стала, по привычке. *(Кивая на таз.)* Глина?

ЮРКА. Ага.

АННА. Свистульки будешь лепить?

ЮРКА. Кэндзан. *(Никакой реакции от Анны.)* Подставку для икебаны. *(Опять тишина.)* Ну, как подсвечник.

АННА. Вона чё... На продажу?

ЮРКА. На заказ.

АННА. Молодец. А Лидочка к Горбоносовой пошла?

ЮРКА. Ага.

АННА. Поди жаловаться начнёт.

ЮРКА. А зачем вы к Горбоносовой жить просились?

АННА. Дак с ней жить мочи нет. Всё кулаком, кулаком!.. Очень вся агрессивная.

ЮРКА. Сами воспитали. А откуда вы знали, что она от Бабаева уйдёт?

АННА. А кто же с ней жить-то будет. Аркашка, её муж, мне так и сказал: «Вы, говорит, не обижайтесь, Анна Семённа, но жить я с вашей дочкой больше не могу».

ЮРКА. Чего так?

АННА. Ну... Как-то невзлюбили друг друга. Как-то так всё сторонились друг дружку.

ЮРКА. Давно?

АННА. Сразу. Он говорит, я даже и не любил её, женился из жалости. Она всё за ним бегала – мотогонщик же! Не знаю, как Светку-то сделали.

Юрка, видимо, входит в исследовательский азарт и продолжает расспросы.

ЮРКА. Жалость – это унижительно. Мы со Светкой расписались, потому что она беременная была. Лидь Петровна тоже залетела?

АННА. Да нет, какой там. Всё никак зачать не могли. Аркашка говорит, мне перед людьми неудобно, что я вроде как с ней гулял. Ну, на людях всё время вместе были.

ЮРКА. У вас прямо каменный век какой-то. Поцеловался и женись, да?

АННА. По-всякому бывало. Может, он врал всё, Аркашка её. Может, наш дом хотел прибрать. Дом-то у нас купеческий был, хороший. Пете купец Трезоров его отдал.

ЮРКА. А Лидь Петровна говорит, он его в карты выиграл.

АННА. Наговаривает. Он в карты у него только фисгармонь выиграл.

ЮРКА. Ну вот.

АННА. А дом ему Трезоров сам потом отдал.

ЮРКА. Пьяный, что ли, был?

АННА. Так в тюрьму его отправили. Узнали, что он купец и отправили. И дом бы отобрали. Он и записал на Петра, вроде как в подарок. Думал, вернётся оттудова – из Сибири-то – хоть жить есть где. Не возвратился.

ЮРКА. А у вас чего же не отобрали?

АННА. А чего у нас отбирать – простые люди, не купцы, не кулаки.

ЮРКА. Ясно. Бог дал – Бог взял.

АННА. У кого взял?

ЮРКА. Я говорю, баб Ань, у твоих родителей тоже всё забрали? И дом, и скотину; коней, говорят, конфисковали.

АННА. Ну, мы богато жили-то. У отца вроде работал даже кто-то.

ЮРКА. Раскулачили?

АННА. Ну да. Тоже в Сибирь куда-то увезли.

ЮРКА. Ты потом не виделась с ними?

АННА. Да что ты. Как в воду сгинули.

ЮРКА. Сколько тебе тогда было?

АННА. Пятнадцать годочков.

ЮРКА. А замуж?

АННА. Через год за Петра вышла.

ЮРКА. Не жалко родителей?

АННА. А чего их жалеть-то. Они угнетатели были. Кулаки.

ЮРКА. Мда-а...

Юрка прекращает лепку и внимательно смотрит на бабу Анну.

Ни хера я в этой жизни не понимаю.

Идёт на кухню мыть руки от глины.

Баб Ань, прикрой таз чем-нибудь. От Лидии Петровны подальше и от греха.

АННА. У меня старых газет полно, щас покрою.

Баба Анна идёт к себе в комнатку и роется в газетах. Юрка кричит из кухни.

ЮРКА. Баб Ань, а у тебя фоток не осталось от твоих родителей?

АННА. Что ты. Всё забрали. Да и зачем мне нужно.

ЮРКА. Как это зачем, мне бы даже интересно было на кого я похож – на отца или на мать.

АННА. Да! – кому это нужно.

ЮРКА. Кроме тебя никому не нужно.

Вытирает руки и заходит в бабкину комнатку. Осматривается: на стене над кроватью висит самодельный ковёр с тремя лебедями на плоском и круглом озере в стиле мещанского примитивизма. В углу висит лампадка, там же на полочке рядом с лампадкой стоят несколько икон и ослепительно-белый фарфоровый бюст Ленина.

АННА. Интересуешься?

ЮРКА. А чего у тебя Ленин среди икон делает?

АННА. Среди святых – сам святой. Людям помогал, за бедных заступался.

ЮРКА. Ленин, что ли? Он же наоборот людей убивал.

АННА. Это врут всё. Вас молодых обманывают, а мы сами видели, как люди богаче стали. Зажиточнее.

ЮРКА. У твоих родителей ведь отобрали всё.

АННА. Ну что ж, они людей эксплуатировали. Зато другие разбогатели. И мы потом с Петюшей зажили.

ЮРКА. Баб Ань, так ты и в Бога, и в Ленина веришь?

АННА. Ну, он божий человек, как же в него не верить. Если бы Ленина не было, и нас бы не было. И страны бы не было.

ЮРКА. Может и лучше, если б не было...

Баба Аня начинает неслышно хихикать, обнажая вставную челюсть.

АННА. А чего бы здесь тогда было? Северный полюс, что ли?

ЮРКА. Не понимаю, при чём тут Северный полюс?

АННА. Проживёшь с моё, тогда поймёшь. *(Показывает на ковёр с лебедями.)* Видишь, это подарок был на свадьбу. Хороший видок?... Петькин друг подарил, счетовод. Сам нарисовал.

ЮРКА *(иронично)*. Гениально, я бы так не сумел.

АННА. Так учись, старайся. Потом продавал бы их, Лида бы довольная была.

ЮРКА. Чего мне ваша Лида!.. Ну, где газеты?

АННА. Ага, сейчас... Из-под шкапа достаю...

Баба Анна достаёт из-под старого лакированного шкафа для белья кипу пожелтевших газет. Качая головой, отдаёт газеты Юрке.

Всё равно уже никто не интересуется. Я хранила их, чтобы в музей отдать. А мне говорят – мусор, отнесите на помойку. А тут ведь столько исторических новостей...

ЮРКА. Тут враньё одно – кому это нужно.

Берёт газеты и идёт в залу. Накрывает таз с глиной и ставит его под стол, то есть маскирует.

Баб Ань, только ты Лидии Петровне не говори про глину.

АННА. Заругает?

ЮРКА. Достанет – «антисанитария, ребёнок заболеет!».

АННА *(охотно продолжая тему)*. Вот, меня тоже достала с этой антисанитарией.

ЮРКА. Может, она злая – мужика нету подходящего?

АННА. Не понимаю.

ЮРКА. Я говорю, может, в сексе у неё проблемы какие?

АННА. Ну ведь Светочку сродила.

ЮРКА. Понятно. Баба Ань, а ты деду Петру своему никогда не изменяла?

АННА. Ой-ёй-ёй, что ты. Лидка, что ли, сказала? Про счетовода про этого?

ЮРКА *(делая вид, что увиливает от вопроса)*. Ну... Я не помню, где-то сказали. А что, красивый был?

АННА (*улыбаясь*). Ну, видный. С усами такой. Всё время кудри тут на боку начёсывал. Рисовал хорошо.

ЮРКА. Рисовал хорошо. (*Пауза.*) Сознайся, баб Ань, грешна?

АННА. Ой, господи! Я вот, смотри, могу под иконами побожиться. Как на духу скажу. Это Лидка на меня наговаривает. Он в погребке ко мне приставал, вот честно сознаюсь – мы там за огурцами пошли. Но я ему сказала – ни-ни! При живом-то муже. Разврат один.

ЮРКА. Прямо под Лениным клянёшься?

АННА. Под Лениным клянусь, не было ничегошеньки. Вот, перекрещусь даже. (*Крестится.*)

ЮРКА. Не, а чё ты крестишься.

АННА. А как же?

ЮРКА. Ты вот так вот руку поставь, и скажи: «Клянусь от имени всей Советской власти!» (*Отдаёт правой рукой пионерский салют.*)

АННА. Ну, клянусь, клянусь... (*Смеётся.*) Шалопай ты, Юрка.

Юрка идёт в залу и укрывает таз с глиной. Бабка Анна неотступно следует за ним.

А за сколько ж будешь свои подсвечники продавать?.. (*Не получает ответа.*) Секрет коммерческий?

ЮРКА. Ты мне про себя ничего не рассказываешь, я тебе тоже ничего не расскажу.

АННА. Так я же сказала, сирота осталась, за Петра вышла. Чего ещё?

ЮРКА. Что – и больше рассказать нечего?

АННА (*вспомнив*). А, ну, Ангелину родила, потом Лиду. Сыночек помер, крохотушка совсем был. Жалела очень его.

ЮРКА. И всё?

АННА. Ну... Петра похоронила, так Светочка ещё махонька была.

ЮРКА. Чё-то, баб Ань, жизнь у тебя неинтересная – родился-женился-помер.

АННА. Я же не артистка. Это вы со Светкой.

ЮРКА. Она не артистка, она художник по свету.

АННА. Ай! (*Машет рукой.*) В театре, значит, артистка.

ЮРКА. Так – руки! (*Смотрит на свои грязные руки и идёт на кухню их мыть. Анна неотступно следует за ним.*)

АННА. Так и будете в нашем театре работать?

ЮРКА. Нет, подсвечников налеплю, кучу рублей заработаю – и в Москву. В Большом театре на работу устроюсь.

АННА. Кем же?

ЮРКА (*с долей сарказма*). Ихние подсвечники буду протирать. А ежели доверят – буду им лампочки вкручивать.

АННА (*недоверчиво*). Да ну тебя, скажешь тоже.

Слышно, как во входной двери поворачивается ключ, щёлкает замок и входит Лидия Петровна.

ЛИДИЯ (*прямо с порога набрасываясь на Анну*). Чего бродишь тут! Иди в свою клетушку – и чтоб я не видела тебя даже! Опять настроение мне на весь день испортила. Гадина старая.

Анна семенит в свою комнату. Лидия Петровна идёт на кухню. Исследует раковину, где только что помыл руки её зять. Юрка вытирает руки полотенцем.

Что это, земля какая-то... Юрка, ты что, водопровод мне засорить хочешь?

ЮРКА. Это пыль на руках была.

ЛИДИЯ. Что ты из меня дурочку-то делаешь – пыль! Забьётся водопровод, за свои деньги будешь сантехника вызывать.

ЮРКА. Хорошо, вызову.

ЛИДИЯ. Вызову. Ты же нищий.

ЮРКА. Это временно.

ЛИДИЯ. Временно – беременно. *(Открывает холодильник и достаёт оттуда связку сарделек.)* Хочешь сардельку?

ЮРКА. Нет.

ЛИДИЯ. Импортная. Из натуральной свинины. *(Чистит сардельку, а затем начинает её смачно поглощать.)* Юрка, вы правда, что ли, в Москву собрались?

ЮРКА. Собрались.

ЛИДИЯ. А чего тут не живётся?

ЮРКА. Ну... *(Вопрос явно застал врасплох.)* Наверное, тут слишком хорошо – трудностей захотелось.

Из залы раздаётся плач ребёнка. Лидия Петровна срывается с места и летит к детской кроватке. Лихорадочно трясёт кроватку, и ребёнок кричит ещё сильнее.

ЮРКА. Лидия Петровна, не надо так ребёнка трясти. Она сама успокоится.

ЛИДИЯ. Успокоится. Голодная, поди?

ЮРКА. Света по часам кормит.

ЛИДИЯ. Давай принеси бутылочку. На подоконнике там.

ЮРКА. Тут две.

ЛИДИЯ. Погуще которая. Господи, что ж безмозглый такой...

Юрка пожимает плечами, взвешивает две бутылочки на руках, выбирает одну из них и несёт в залу Лидии Петровне.

Юрка, что ты какой-то прямо!..

ЮРКА *(с вызовом)*. Какой? Дебильный?

ЛИДИЯ. «Дебильный». Я с тобой по-человечески хочу, а ты, вишь, в кошки-дубошки сразу. *(Кормит ребёнка, держа бутылочку в руках.)* Юра, пойми, если со мной по-хорошему с душой обращаться, я для этого человека всё готова сделать. Я для этого человека последнее отдам.

ЮРКА. Ну?

ЛИДИЯ. Что ну?

ЮРКА. Я говорю, что мне сделать-то?

ЛИДИЯ. Что ж ты не знаешь, что женщине нужно?

ЮРКА *(типо)*. Не знаю.

ЛИДИЯ. Ну ты!..Внимание. Понимание. Отношение.

ЮРКА. Ей-богу, я не смогу вас мамой называть. Вы молодая симпатичная женщина. *(С ухмылкой.)* Мама... Может, я вас нарисую, а?

ЛИДИЯ. Голую, что ли?

ЮРКА. Зачем, в одежде.

ЛИДИЯ. А я слышала, художники любят голых рисовать. У Горбоносовой, у сына, знакомый художник, так он всё голых баб рисует. Ещё, говорит, и платит им. Дурной, что ли?..

ЮРКА. Лидия Петровна, я вас в одежде красиво нарисую.

ЛИДИЯ. Ну ладно. А чего одеть-то?

ЮРКА. Что нравится, то и одевайте.

В это время из своей комнатки выходит бабка Анна в старомодном плаще и, стараясь быть неслышной, направляется ко входной двери. Всё-таки она нечаянно задела телефон, который стоял в прихожей на трюмо, и с него соскочила трубка. Лидия Петровна тут же метнулась в прихожую.

ЛИДИЯ. Куда собралась? К Горбоносовой пошла кудахтать?

АННА (беззащитным и слабым голосом). Что ты, Лидочка. За творожком схожу.

ЛИДИЯ. Ты ж говорила, денег нет – «за творожко-ом».

АННА. Нету, нету, Лида. На творожок только нашла. Уж больно голодно мне. Хорошо, хоть пенсия завтра.

ЛИДИЯ. Ладно – сироту из себя тут корчишь. Надо было головой думать, когда дом-то продавала.

АННА. Надо, надо, Лида. Уж прости, старую.

ЛИДИЯ. Бог тебя простит. Иди уже... (Улыбается довольная.) А то доведёшь до греха, бухну по башке вот этим телефоном.

Бабка Анна прекрасно понимает благодушное настроение дочери, но продолжает гнуть свою линию.

АННА. Ой, не надо, Лида, убьёшь совсем... Хотя, может, и лучше, если бы убила. Не мучилась бы...

Бабка Анна протискивается в приоткрытую дверь, словно кошка, и исчезает.

ЛИДИЯ. Вот кому надо в театре-то работать. Ни один артист так не сыграет. Думаешь, у неё денег нету? Ага. Под матрас бумажки свои насыёт и трясётся над ними... (Изображает бабку Анну.) Натуральный хорёк. На книжку-то боится теперь класть.

Юрка, завершив кормёжку, агукает с ребёнком, трясёт погремушками, которые привязаны над кроватью.

Я, между прочим, в молодости в самодеятельность ходила. Всем нравилось, как я роли изображала.

ЮРКА. Да я вижу. У вас тут целая династия.

ЛИДИЯ (подтрунивая). Уж скажешь тоже – династия.

ЮРКА (улыбаясь). Я говорю. Бабке Анне уже народную артистку надо давать.

ЛИДИЯ (подсмеиваясь). Ей только дай. Если Анна власть почувствует, она тут всех со свету сживёт. Ты бы видел, как она дедом Петром крутила. Он у неё со двора не вылезал – всё мастерил и мастерил.

ЮРКА. Может, любил.

ЛИДИЯ. А чего же не любить-то, она его на семнадцать лет моложе. А если б замуж за него не вышла, пропала бы. Убили бы или проституткой сделали. Тут не то что любить, тут надо благодарить человека по гроб жизни.

Вдруг слышен звонок в дверь.

У Светки ключи-то есть? К вам, что ли?

ЮРКА. Вряд ли.

ЛИДИЯ. Ну не знаю к кому тогда. *(Растерянно.)* Открывать, что ли?

ЮРКА. Вы хозяйка.

ЛИДИЯ *(кокетливо вздохнув)*. Ой, да вдруг этот Бабаев припёрся. Не знаю, чего и говорить-то ему, поди, уговаривать начнёт...

ЮРКА. Скажите, что разводитесь с ним.

ЛИДИЯ *(улыбаясь)*. Да ну тебя, скажешь тоже!

Лидия Петровна идёт ко входной двери и открывает её. Из-за двери слышен мужской голос.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Извините, Анна Семёновна здесь живёт?

ЛИДИЯ. Здесь.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Можно её позвать на минуточку.

ЛИДИЯ. Зачем это?

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Ну, скажите ей, Игорёк пришёл.

ЛИДИЯ. Нету её. Да и была бы, я не позвала. Откуда вы взяли?

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Я друг Анны Семёновны. Подскажите, куда она пошла. Пожалуйста.

ЛИДИЯ. Ну конечно. Может, вы бандит какой. *(Закрывает дверь, потом сразу же открывает.)* Уходите, не стойте под дверью. Иначе я милицию вызову.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Всё, я пошёл уже...

Лидия Петровна захлопывает дверь.

ЛИДИЯ. Ну и рожа у этого Игорька. Надо спросить у неё, что за ошманделков она тут привечает.

Вечер того же дня. Лидия Петровна сидит на кухне за столом и уплетает варенье ложкой прямо из банки. Юрка и Света сидят на диване в зале. Телевизор вроде бы как работает, но фоном, потому что никто его не смотрит – Юрка делает форму из пластилина для будущей отливки из гипса. Света вяжет. Супруги разговаривают так, чтобы их не было слышно на кухне.

СВЕТА. Это кому ты?

ЮРКА. Соседка просила на день рождения дочки. Дёшево и сердито. *(Поднимает форму и ставит перед своим лицом.)* Африканская маска. Великий дух озера Чад.

СВЕТА. Не доматывалась до тебя? *(Кивает в сторону материнной комнаты.)*

ЮРКА. Да нет. Договорились даже, чтоб я портрет её нарисовал.

СВЕТА. Ты же портреты не умеешь рисовать.

ЮРКА. Ну уж, что-нибудь да нарисую. Я же не мог её послать.

СВЕТА. Ой, Юр, смотри, а то и так житья нет... Бабаев-то не заходил?

ЮРКА. Даже не звонил.

СВЕТА. Ну, теперь начнётся свистопляска.

ЛИДИЯ *(из кухни)*. Светка, домашнего варенья не хочешь? Меня Горбоносова угостила. Гляди, а то щас всю банку сожру.

ЮРКА *(полупрошептом)*. Иди.

СВЕТА (*моя головой*). Она меня щас своими рассказами достанет.

ЛИДИЯ (*из кухни*). Юрка, иди варенья тебе намажу. Мне сладкого нельзя много-то.

ЮРКА (*громко*). Лидия Петровна, у меня руки в пластилине. Я уж лучше доделаю. А то расслаблюсь...

ЛИДИЯ (*из кухни*). Надо иногда расслабляться. Вона – грыжа выскочит, тогда ничё уж не надо.

ЮРКА (*полушёпотом*). Света, иди.

СВЕТА (*полушёпотом*). Отстань.

Лидия Петровна появляется в дверях залы с банкой в руках.

ЛИДИЯ. Чё тут шушукаетесь? Мне кости, что ли, моете?

СВЕТА. Mam, отцепись, а.

ЛИДИЯ. Чего отцепись – я в своём доме с родной дочерью разговариваю. Юрка, скажи мне как мужчина, если женщина не пьёт и не курит, она предпочтительнее для мужчины или нет?

ЮРКА. Никогда об этом не думал.

ЛИДИЯ. Ну, а ты подумай. От неё же не воняет там куревом да водкой.

СВЕТА. Mam, я курю – и к чему ты это?

ЛИДИЯ. Да так... Бабаев мне говорит – я, говорит, курящих женщин на дух не переношу. С юности, говорит, их сторонюсь. Говорит, как будто с пепельницей целуешься. Врёт, поди, а?

ЮРКА. Ну, он же не курит, а я курил.

СВЕТА. Mam, даже если ты гинеколог, а его бывшая жена продавщица в овощном магазине – это ничего не значит.

ЛИДИЯ. А чего же значит? Любовь, что ли?

СВЕТА. Хотя бы любовь.

ЛИДИЯ. Да ну на хер со своей любовью – отец твой говорил, что меня любит, а к матери вон на Урал сбежал и носу не показывает.

СВЕТА. Значит, разлюбил.

ЮРКА. Мужчины не любят долго сидеть на одном месте.

ЛИДИЯ. Чего ты городишь-то! Хочешь сказать, от Светки тоже убежишь? Мой отец с Анной всю жизнь прожил. Она вон ему рога ставила с этим со счетоводом Гороховым, а он, дурак, верил ей.

СВЕТА. Mam, откуда ты знаешь. Чего ты себя накручиваешь. Просто ты искала мужиков, которые к тебе были равнодушны.

ЛИДИЯ. Зачем это?

СВЕТА. Потому что ты упёртая. Ты упрёшься в одно место – и давишь, и давишь. Ты всё время кого-то заставить хочешь. Ах, ты не любишь, значит, полюбишь!

ЛИДИЯ. Я Козерог, что я с собой сделаю.

СВЕТА. И что? А я Лев, я в роскоши люблю жить: я что грабить должна идти, если у меня шиш в кармане?

ЛИДИЯ. Да я страдала с твоим отцом, а не жила – «упёртая»! Твой отец просто эгоист махровый – даже цветок за всю жизнь не подарил. Хоть бы раз его попрекнула. (*Пародируя бывшего мужа.*) «Ой, Лидочка, у меня язва, мне волноваться нельзя». Я ему супы в отдельной кастрюльке готовила, котлеточки на пару – тьфу! А к матери уехал и уже, говорят, бабу какую-то нашёл. Сука он! Месяцами со мной не спал! Как же он там бабу-то нашёл, а? Юрка, скажи, сколько нормальный мужчина может не спать с женщиной?

ЮРКА. В армии я два года не спал с женщинами.

ЛИДИЯ. Ну, там вас бромом поили, чтоб не страдали, я знаю. Вот нормальный мужчина моего возраста, вот если он не импотент, вот как он может месяцами не спать с женой, которая лежит у него под жопой – как? Мастурбирует, что ли?

СВЕТА. Мам, не ори, Дашку разбудишь.

Во внезапно наступившей тишине слышно, как в замочную скважину вставляется ключ. Лидия Петровна приставляет палец к губам, мол, «тихо!» и идёт на кухню. Входная дверь медленно отворяется и входит бабка Анна в своём плащике. Она старается быть неслышной, и на цыпочках крадёт к себе в комнату. Сзади к ней так же неслышно подкрадывается Лидия Петровна и хватает её за шиворот.

ЛИДИЯ. А ну признавайся – куда ходила?

АННА. Батюшки!.. Лидочка, не погуби.

ЛИДИЯ. Говори, где моталась?!

АННА. Лидочка, я к подружке зашла. Я не была у Горбоносовой. Христом богом клянусь.

ЛИДИЯ. Ты мне богом здесь не клянись. Ты своим поганым ртом не имеешь права даже слово это произносить. Точно у Горбоносовой не была?

АННА. Точно. Клянусь. Отпусти, Христа ради!..

Лидия Петровна цепко держит плащ своей матери и мотает её из стороны в сторону.

ЛИДИЯ. Я тебе не верю! На колени становись, гадина! Живо становись!

Бабка Анна встаёт на колени и молитвенно складывает ладони.

АННА. Вот. Клянусь тебе... Лидочка, я к подружке зашла, ещё с бывшей своей работы. Чайку попили.

ЛИДИЯ. Чего ты врешь-то, паразитка!

АННА. Вот. Перекрещусь тебе. *(Крестится.)*

ЛИДИЯ. А может ты у Игорька у своего была?

АННА. У какого Игорька?

У бабы Анны мгновенно поменялось выражение лица с молитвенно-сиротского на тупо-удивлённое.

Не знаю я никакого Игорька.

ЛИДИЯ. Не знаешь? Вот с таким вот шрамом на лбу. Щёки обвислые, как у алкаша.

АННА. Что-то я не пойму, о чём ты говоришь. *(Она невозмутимо встаёт, как будто и не становилась только что на колени и не плакала о пощаде, и отправляется к себе в комнатку. Ворчит на ходу.)* Навыдумывают ерунды какой-то и валят всё на меня...

ЛИДИЯ *(обескураженно).* Вот, вот... Светка, ты видела?

СВЕТА. Мама, я в ваших концертах не участвую.

ЛИДИЯ. Всю руку об неё сломала. Костлявая, как будто из камней сделали её... *(Трясёт своей ушибленной рукой.)* Господи, когда уж бог приберёт это исчадьё.

Действие второе

Прошло несколько дней. На улице сильный ветер – видно, как гнутся деревья за окном. В стекло бьют редкие, но тяжёлые капли дождя. Лидия Петровна сидит на кухне и пьёт чай вприкуску с блинами. Юрка в зале раскрашивает сделанную из гипса африканскую маску.

ЛИДИЯ (*разговаривая из кухни*). Юрка, ты куда в такую непогоду жену отправил? Да с ребёнком ещё.

ЮРКА. К подруге пошла. Сколько дома сидеть.

ЛИДИЯ. Обманываешь меня. К Корчевскому она пошла. Я знаю, он вчера из Москвы приехал. Мне люди всё докладывают. А ты не знал как будто? Чего молчишь?

ЮРКА. Лидия Петровна, я о другом думаю.

ЛИДИЯ. Смотри, пол не уделай мне. Насчёт Москвы пошла разговаривать?

ЮРКА. Наверно.

ЛИДИЯ. Ну и дураки, в Москве сейчас одни бандюки собрались. А ребёнка чего, в приют, что ли?

ЮРКА (*в бессильной злобе, про себя*). Твою-то мать...

ЛИДИЯ. Ей надо ясельки хорошие. Тут-то у меня знакомых полно, в любой ясельный садик хоть сейчас. Могу и с нянькой на дом договориться... (*Ждёт ответа.*) Прямо клещами из тебя слов не вытащишь.

ЮРКА. Корчевский обещал помочь.

ЛИДИЯ. Иди блинчиков поешь. Тёпленькие ещё. С маслицем.

ЮРКА. Спасибо. Я сытый.

ЛИДИЯ. Ну-ну... Смотри, как бы твой Корчевский Светку не охмурил. Он ещё до Валерки всё вокруг её охаживал. Он видный, высокий. У нас на заводе, знаешь, как за ним девки бегали.

ЮРКА. Она не в его вкусе.

ЛИДИЯ. Да прямо! Он, поди, нарочно так сказал.

ЮРКА. Он мальчиков любит. Кроме вас об этом все уже давно знают.

Пауза. Лидия Петровна поперхнулась, и стучит себя в грудь кулаком.

ЛИДИЯ (*откашливаясь*). Косточка, что ли?... Вот... И вас Москва до свалки доведёт... И я тут помру от обжорства.

ЮРКА. Мы будем наезжать.

Лидия Петровна входит в дверь залы, и наблюдает за Юркой, облокотившись о дверной косяк.

ЛИДИЯ. Ну что, Айвазовский, рисовать-то меня когда начнёшь? А то уедешь вдруг.

ЮРКА. Вам же картины мои не нравятся.

ЛИДИЯ (*невинно закатывая глаза*). Ну уж и сказать ничё нельзя. Светка вон в горячке меня чуть не отлупила... (*Помолчав немного.*) Мне больше всех та вон картинка нравится.

Лидия Петровна кивает головой в сторону картины, на которой изображено что-то абстрактно-космическое.

Когда долго смотришь, как будто улетаешь куда-то.

ЮРКА (*скрытно и довольно улыбаясь*). Называется «Космические грёзы». Я в состоянии медитации писал.

ЛИДИЯ. А ты лицо-то сможешь нарисовать?

ЮРКА (*криво усмехнувшись*). Хы, Лидия Петровна! – да хоть щас.

ЛИДИЯ. Ну, переодеваться мне, что ли?

ЮРКА. Переодевайтесь.

ЛИДИЯ. Может, в зелёное, поспокойней? Или в красное лучше?

ЮРКА (*подумав*). В синее.

ЛИДИЯ. Ну, в синее так в синее.

Лидия Петровна идёт к себе в комнату переодеваться, и говорит уже оттуда, одновременно примеряя разные платья.

ЮРКА. Да пошутил я, в какое оденетесь...

ЛИДИЯ (*переодеваясь*). Не пойму я тебя, Юрка: замужнюю девушку вроде как охмурил, а с женщинами постарше обращаться совсем не умеешь.

ЮРКА (*тяжело и безнадёжно вздыхая*). Я не умею охмурять.

ЛИДИЯ. Ой, не умеешь. Светка, что ли, тебя охмурила, от мужа увела? Валерка-то моряк: из плавания, знаешь, сколько всего привозил. Не пил, не курил. Не каждая ведь такого мужика на артиста променяет.

ЮРКА. Лидия Петровна, мы существуем в других понятиях: любит не любит, нравится не нравится.

ЛИДИЯ. Дак что ж по-вашему: сегодня одну полюбил, завтра другую, послезавтра за третьей пришарманился. Юрка, так ведь себя истратишь – до старости лет не хватит. Уж мне в смотровом кабинете чего только про своих мужей не рассказывали. Одна пришла с большой пуговицей от пальто – где думаешь – в интимном месте... (*Смеётся.*) Прямо как в анекдоте... Муж, говорит, дурак прикрутил себе, чтоб приятно мне сделать. Я говорю, чего ж у него совсем эрекции, что ли, нету?.. А она говорит, в молодости зато по девкам летал как петух в курятнике...

ЮРКА (*с желчной ухмылкой*). У меня особый способ есть, как не истратиться.

ЛИДИЯ. Да ладно. Поделись с больными своим способом, глядишь, и денег заработаешь.

Лидия Петровна появляется в ситцевом девичьем платьице: коротенькое, с огромными лиловыми цветами – явно, одето не по возрасту и не к месту.

Что за способ такой?.. Или секрет огромный?

Юрка тупо смотрит на неё, не понимая, что делать дальше. Лидия Петровна воспринимает это как победу своего женского оружия.

(*Игриво улыбаясь.*) Слишком вызывающее, наверно?.. Что уж: жёлтое ярко будет. А всё остальное – мусор один.

ЮРКА. У вас врождённый вкус. Что надо.

ЛИДИЯ. Ну так: я когда в театральном кружке занималась, мне хорошие роли давали. Я бы в театре уже народной артисткой была бы.

Лидия Петровна сама берёт стул и ставит его посреди комнаты. Садится на него так, словно в сильно опьянённом состоянии: широко расставив ноги и вытянув их вперёд, руки опустив вниз как плети. Голова свалена набок.

ЮРКА. А глаза-то закрыли зачем? Я же не гипнотизёр.

ЛИДИЯ. Так я не знаю как... Так, что ли?

Тело её остаётся в прежнем положении, но шея вытягивается, а глаза смотрят куда-то вверх.

ЮРКА. Уже лучше. Надо сесть как-то посвободней.

ЛИДИЯ. Куда уж свободней-то. Задрать, что ли, ноги?

ЮРКА. Нет, нет, я имел в виду, надо их как-то поставить... Вот так, что ли... При-
встаньте пока...

Юрка ловко приподнимает Лидию Петровну за руки, поворачивает стул. Усаживает её в полупрофиль, забрасывает одну ногу на другую, одну её руку кладёт на ногу ладонью вверх, другую – свободно опускает вниз.

Вот так... отлично... На переднем плане плавная линия изгиба, переходящая в колено... сюда...

Пока Юрка занят своей тётцей, из комнатки появляется бабка Анна и незаметно наблюдает за ними из-за двери.

ЛИДИЯ. Хорошо хоть бабка Анна не видит, а то бы уж сплетен всем наговорила бы. Скажет, зять с тётцей, пока жены нет, любезничают.

ЮРКА. Она даже с бабками на лавке не сидит... И голову чуть-чуть набок.

ЛИДИЯ. Не сидит, потому что разогнали её. Она уже всех соседей грязью полила. Это ведь не человек. Ты знаешь сколько она нам с Ангелиной крови попила – на танцы Ангелина из окошка бегала, да. Всё запрещала. Я в саду постоянно работала: то крыжовник обирать, то яблони окапывать, то пруд чистить – умотала всех!.. Ангелина уехала отсюда: ни одного письма даже ей не написала, аж до самой смерти. Двуличный человек она. Теперь сироту казанскую корчит из себя.

ЮРКА. Знаете что: давайте я вас сфотографирую, а потом по фотографии сделаю портрет.

ЛИДИЯ. Да я больше слова не скажу.

ЮРКА. При чём здесь это. Мне так удобней и проще.

Юрка достаёт фотоаппарат и настраивает объектив.

ЛИДИЯ. Это ведь надо – про своих родителей сказать «кулаки». Я, говорит, даже их не жалею. Ещё и Ленину поклоняется – богоотступнику. Вместо мозгов помойка одна.

ЮРКА. Так, улыбаемся. *(Делает два снимка.)* Готово. А вы сами-то, Лидь Петровна, давно в Бога поверили? После того, как Союз развалился?

ЛИДИЯ *(с лёгкой и беспечной усмешкой).* Так а чё: про Бога не говорили ничего – нету его и нету. Все жили себе, да и жили. А сейчас из каждого утюга про церковь и про веру долдонят. Не захочешь – поверишь.

ЮРКА. А бабка Анна почему верила?

ЛИДИЯ. Да никогда она не верила, ты что. Врала, всю жизнь врала.

Слышен звонок в дверь. Бабка Анна неслышно проскальзывает к себе в комнатку.

Юрка, иди открой, а то неприлично мне. Платье какое-то дурацкое нацепила – вот ненормальная... (*Усмехнувшись, исчезает в своей комнате.*)

Юрка идёт открывать. В прихожую входит Игорёк.

ИГОРЁК. Мне к Анне Семёновне надо на пять минут. (*Пытается протиснуться вперёд.*)

ЮРКА. погоди, мужик. (*Перегораживает ему дорогу.*) Ты чего, в магазин, что ли, за фунфырём забежал.

ИГОРЁК (*крича*). Анна Семёновна, меня здесь не пускают!

Из комнатки выходит бабка Анна.

АННА. Юрочка,пусти его, пожалуйста. Он мне в одном важном деле обещался помочь. Это мой товарищ. По вере.

ЮРКА. Ну... раз товарищ.

Юрка отходит в сторону, и Анна с Игорьком исчезают в комнатке. Слышно, как они запирают дверь на защёлку. В самый последний момент, на ходу одевая кофту, из своей комнаты выскакивает Лидия Петровна.

ЛИДИЯ. А ну-ка, давай не запирайся там! (*Колотит в дверь кулаком.*) Будешь мне тут всяких бомжей водить. Ты что, хочешь, чтоб нас обчистили?.. Чего молчишь... (*Прислушивается, приложив ухо к двери.*) Бубнят чего-то.

Юрка подходит к двери и показывает Лидии Петровне знаками, чтобы она молчала. Говорит рядом с дверью, чтобы им было слышно.

ЮРКА. Лидия Петровна, может, милицию вызвать?

Лидия Петровна, поняв, что надо делать, быстро оказывается возле телефона и начинает гроыхать трубкой.

ЛИДИЯ. Так, я вызываю милицию... (*Набирает номер.*) Сейчас приедут, и пусть к чёртовой матери дверь ломают! (*Нажимает на рычаг, сбрасывая звонок.*) Даже дверь не жалко. Скажу, ворвался грабитель, взял бабку в заложники. Заперся изнутри!.. Скажу, чтобы ломали дверь! Анна, ты слышишь? Выгоняй его к чёртовой матери!

ЮРКА. Надо, правда, вызвать милицию – что это за буратино.

ЛИДИЯ (*полушёпотом*). Ага, что люди потом скажут! Весь дом увидит – милиция к нам приехала – разговоров на полгода.

ЮРКА. При чём здесь люди, мы для себя живём или для людей?

ЛИДИЯ (*держит палец на рычаге*). Алё, милиция?.. Приезжайте, пожалуйста, улица Гагарина двадцать пять пятьдесят один. Здесь террорист какой-то ворвался и заперся в комнате. Сейчас приедете? Ну, хорошо... (*Кричит в дверь комнатки.*) Анна, слыхала? Сейчас милиция приедет.

Пауза. Юрка подходит к двери комнатки и слушает, что там за дверью. А там тихо.

ЮРКА. Она вам не верит.

ЛИДИЯ. Сейчас поверит! Я к Бабаеву пойду, попрошу его дверь выломать и выкинуть эту пропитуху! Я лучше Бабаева в твоей комнате поселю, а тебя в приют сдам для слабоумных – поняла?

ЮРКА. В это даже я не поверю.

ЛИДИЯ *(в бессильной злобе грохнув кулаком по двери).* Открывай, кожа старая!.. Юрка, чего стоишь, иди долото возьми – будем замок выковыривать.

Юрка идёт к чемоданчику с инструментами, который стоит в лоджии. Пока зятя нет, Лидия меняет агрессивный тон на спокойный.

Аня, Юрка со Светкой скоро уедут – клянусь, я тебя со свету сживу, ненароком на тебя кастрюлю с кипятком опрокину. Если хочешь со мной по-хорошему – подчиняйся. *(Кричит.)* Юрка, ты где?

ЮРКА *(из лоджии).* Сейчас. Не найду никак.

ЛИДИЯ. Встречайся с кем хочешь, только не в квартире. Нечего заразу тут разводить. *(Опять меняет тон.)* Бессовестная. Тебе же семьдесят с лишним лет – уже гормонов-то нету. У тебя уже сенильный колыт, сухость – в таком возрасте сексом даже опасно заниматься.

ИГОРЁК *(из-за двери).* Вы очень нехорошие слова говорите, Лидия Петровна. Мы с Анной Семёновной чисто по нашей вере встречаемся.

ЛИДИЯ. А вас не спрашивают. Анна, чего молчишь? Вину свою чувствуешь?

АННА. Лида, ей-богу, мы ничего плохо не делаем. Только о Боге разговариваем.

ЛИДИЯ. Ну разговаривайте, а зачем закрываться-то.

АННА. Игорёк-то безобидный, жалостливый...

Анна несмело открывает дверь.

Это Юрка вон про тебя всё спрашивает, всё вынюхивает: наверно, хочет гадостей каких собрать об тебе.

В это время появляется Юрка с долотом в руках.

ЛИДИЯ. О Боге они разговаривают.

ЮРКА. Аки паки житие мое...

Слышно, как со стороны лоджии кричит Света.

СВЕТА. Юра! Юра!..

Юрка бежит в лоджию. Кричит вниз.

ЮРКА. Сейчас – подожди!

Бежит ко входной двери.

Пойду помогу коляску наверх поднять. (Уходит.)

ЛИДИЯ. Ну, выходите. Ромео и Джульетта.

Из комнатки выходят бабка Анна и Игорёк.

Вы, Игорёк, давайте поскорей уходите, а то у меня зять взрывоопасный. Если разойдётся, его не остановить. Каратэ занимался, боксом...

ИГОРЁК (*суетливо*). Хорошо, хорошо. Анна Семёновна, до свидания... (*Гладит её руку.*) Просвинок я вам куплю... Ну и свечек ещё... (*Уходит.*)

ЛИДИЯ. Ну, Анна, даже на старости лет не угомонишься.

Вечер этого же дня. Света на диване агукает с ребёнком, который лежит в окружении подушек. Рядом стоит Лидия Петровна, за ней стоит бабка Анна. Все улыбаются ребёнку и агукают.

АННА. Обожаю малышей. Вот бы ещё Светочка такую же сродила.

ЛИДИЯ. Она тебе что – курица, каждую неделю нестишь. Хоть бы эту на ноги поднять.

СВЕТА. Дашка-букашка... Ту-ти, ту-ти, ту-ти... Дашка-промокашка!.. Туси-пуси-туси...

ЛИДИЯ. Что уж ты её промокашкой называешь. Доченька Даша – солнышко наше! Скажи, Дашенька?..

АННА. Дашенька-черепашенька.

ЛИДИЯ. Сама ты черепаха старая – скажи, Даша... (*Вдруг что-то заметила.*) Светка, глянь, у неё краснота прямо возле преддверия влагалища. Надо присыпкой обработать.

СВЕТА. Мам, ты в смотровом кабинете, что ли? Сказала бы «пися», по-человечески.

ЛИДИЯ. Вечно ты недовольная. (*Свете.*) Юрка-то куда помчался? К Корчевскому?

СВЕТА. Маску понёс. (*Продолжает играть с ребёнком.*) А куда наша Дашенька спряталась?..

ЛИДИЯ. Нельзя вам с таким маленьким ребёнком по чужим квартирам мотаться.

СВЕТА. Мам, не начинай.

Слышен телефонный звонок.

ЛИДИЯ. Горбоносова, что ли, на ночь глядя.

Идёт к телефону и поднимает трубку.

Слушаю... Вовка, ты, что ли?.. Ну, а чё ты в трубку-то пыхтишь. Куда я тебе позвоню – по крыше кирпичом?.. Ничего я не начинаю!.. погоди, я к себе в комнату уйду...

Лидия Петровна уходит в свою комнату вместе с телефоном, чтобы вести разговор без свидетелей.

АННА. Не люблю я этого Бабаева. Они ещё когда с Аркашкой дружили, он так его от женитьбы отговаривал. Зачем, говорит, тебе эта коробушка-толстушка. Негодник, сам её к рукам и прибрал.

СВЕТА. Баба Ань, откуда ты всё знаешь?

АННА. Ой, Светочка, отец твой сам ко мне приходил и жаловался. Вот так сядет напротив меня и всё говорит, говорит...

СВЕТА. Баба Ань, не фантазируй. А то у тебя чёртики из-за спины ползут. Скажи, Даша.

АННА. Дурочка ты, Света: старые люди понапрасну не скажут. Я бы могла много про неё рассказать.

СВЕТА. Не нужны мне твои сказки-разукраски... (*Занимается ребёнком.*)

АННА (*обиженно*). Ишь ты. погоди, муж тебе с твоей же матерью рогов понаставит.

СВЕТА. Баб Ань, отвали отсюда! Гадости всякие несёшь.

АННА (*угрожающе*). Ну-ну... Ты пока гуляла с дочкой, она тут перед Юркой раздевалась. Прямо выплясывала перед ним: и так повернётся, и эдак!.. (*Показывает, кривляясь.*) Светочка, так противно было смотреть на это. И он всё вокруг прыгал, прыгал, как чёрт на сковородке. Не по-божески ведь...

СВЕТА. Баб Ань, хватит интригами заниматься. Ты лучше со своим Игорьком разберись.

АННА. Что ты, Светочка, Игорёк святой человек. Вот так вот сядет со мной, за руку возьмёт и про Бога рассказывает. Жизнь, говорит, тяжёлая. Но он специально страдает, чтобы очиститься. Так и сказал.

СВЕТА. Баб Ань, не смейся голубей – ему надо в наркологии очиститься. Смотри, а то он обчистит сбербанк твой под матрасом.

АННА. Что ты, он честный – мне руку предлагал. Как, говорит, увидел вас, Анна Семёновна, так сразу понял, что вы с неба посланы. Только вы, говорит, душу мою спасёте.

СВЕТА. Та-ак, вот это уже интересно. Ма-ам! Иди сюда!

ЛИДИЯ (*из своей комнаты*). Не ори – я с человеком разговариваю. Полоумная...

АННА. Светочка, не говори Лиде. Христом богом прошу!

СВЕТА. Здравсьте! Ты, баб Ань, здесь какого-то бомжа вместо мужа пропишешь – нам что: любоваться на это?.. Слушай, а вы случайно не расписались уже?..

АННА. Ну что ты, Света, говоришь такое. У него своё жильё имеется.

СВЕТА. Жильё?

АННА. Ну. Он дворником на Щорса работает, ему там где-то комнатку в подвале выделили. Вода и электричество там.

СВЕТА. Да, хоромы царские.

Лидия Петровна возвращает телефон на место в прихожую и входит в залу. Лицо её мрачнее тучи.

(Взглянув на мать.) Ты чего?

ЛИДИЯ. Всё.

СВЕТА. Чего всё? Мам, не молчи.

ЛИДИЯ. Уезжает он.

СВЕТА. Ну, ты и говорила – в деревню уедет.

ЛИДИЯ. Не в деревню. На Алтай куда-то.

СВЕТА. Ничего себе.

ЛИДИЯ. К знакомому поедет.

СВЕТА. А сын?

ЛИДИЯ. Сын сам по себе. Как и вы, говорит, в Москву собрался.

СВЕТА. Ну, а ты чего расстроилась?

ЛИДИЯ. Чего-чего – ничего!

СВЕТА. Ты же знала, он уедет. Чего изменилось-то?

ЛИДИЯ. Его деревня – вон – пять километров отсюда, а на Алтай – это, считай, в Америку. Господи, Светка, до чего ж ты глупая иногда!

Лидия Петровна идёт на кухню и достаёт из холодильника блюдо с нарезанными кружочками колбасы. Начинает по одному кружочку аккуратно забрасывать в рот, тщательно и часто их пережёвывая.

Бабка Анна умоляюще смотрит на внуку. Света вздыхает и раздосадованно качает головой.

Раздаётся звонок в дверь. Никто не двигается с места. Звонок становится более настойчивым.

Светка, к вам, что ли?

СВЕТА. У Юрки ключи есть. Все наши друзья знают, что ты вернулась. К нам никто не пойдёт.

ЛИДИЯ (*жуя колбасу*). Ну, и кто же?..

Пауза. Потом опять раздаётся звонок.

Анна, к тебе, что ли, гости пожаловали?

Анна медленно и согбенно идёт на кухню, словно на казнь.

АННА. Лидочка, не сердись только. Я сейчас его назад отправлю.

ЛИДИЯ. Игорька, что ли, сваго?..

Снова раздаётся звонок. Лидия Петровна подскакивает на месте, словно ужаленная.

Я сама его сейчас отправлю!

Лидия Петровна подлетает к двери и резко распахивает её. На площадке стоит Игорёк в какой-то дурацкой шапке с завернутыми вверх полями.

Господи, ну и видок. Чего надо?

ИГОРЁК. Я бы хотел сказать несколько слов Анне Семёновне.

ЛИДИЯ. Не надо ничего ей говорить. И ходить сюда не надо.

Позади Лидии Петровны стоит бабка Анна и отчаянно пытается из-за спины дочери подать руками знаки Игорьку, но тот явно ничего не видит.

ИГОРЁК. Разрешите всего несколько слов.

ЛИДИЯ. Ни слова не надо. И забудьте сюда дорогу.

ИГОРЁК. Ну позовите её, пожалуйста.

ЛИДИЯ. Вы издеваетесь, что ли? Так: разворачиваемся – и вперёд, с барабаном и с песнями!

ИГОРЁК (*упрямо и настойчиво*). Вы не имеете права. Анна Семёновна моя жена.

ЛИДИЯ. Чи-иво?..

Секунду колебавшись, Лидия Петровна заталкивает Игорька в прихожую. Баба Анна незаметно ускользает к себе в комнатку.

(Кричит.) Анна, иди сюда, тут к тебе муж пришёл. *(Игорьку.)* А вы на кухню проходите. Водки нет, правда, зато чаю нальём. *(Снова кричит.)* Анна, иди сюда, говорю!

Света оставляет уснувшего ребёнка на диване, и входит на кухню, посмотреть на любопытное зрелище. У входа в кухню останавливается бабка Анна. Игорёк садится за стол на табурет.

АННА. Лидочка, я здесь... Здравствуйте, Игорь Иванович. *(Демонстративно кланяется ему.)*

Игорёк привстаёт и тоже кланяется.

ИГОРЁК. Здравствуйте, Анна Семёновна.

ЛИДИЯ. Господи, какие церемонии. *(Анне.)* Чего ты кланяешься как царю-батюшке. Он теперь муж твой.

АННА. Что ты, Лидочка, я уж стара замуж-то.

ЛИДИЯ. Не знаю, может, ты в книгу рекордов Гиннеса хочешь? Ну-ка, давай неси паспорт свой.

Баба Анна уходит к себе в комнатку.

Вот ведь удумала чего. И, главное, втихаря всё.

СВЕТА. Мам, она мне сейчас сама всё рассказала.

ЛИДИЯ. Что замуж вышла?

СВЕТА. Говорит, он только руку предлагал.

ЛИДИЯ. Сейчас посмотрим. Анна, чего копаешься! У тебя паспорт в сейфе, что ли?

АННА. Иду, Лида, иду.

Баба Анна семенит на кухню, раскачиваясь из стороны в сторону. Несмело протягивает паспорт своей дочери.

ЛИДИЯ *(листая паспорт).* Ну смотри, Анна. Если соврала, то я вас обоих – юных возлюбленных – тут закопаю... Чистый паспорт-то... *(Показывает дочери развёрнутый паспорт.)* Что же это вы, Игорь Иванович, всех в заблуждение вводите?

ИГОРЁК *(невинно хлопая глазами).* Это не заблуждение. Я считаю Анну Семёновну своей небесной женой.

ЛИДИЯ. Батюшки! *(Сдерживая желчную улыбку.)* Светка, это что ещё за крендибоберы? *(Игорьку.)* С небес, что ли, свалилась?

СВЕТА. Это он образно так выразился.

ИГОРЁК. Нет. Я всё правильно сказал. Анна Семёновна мне дана небесами. Она, конечно, очень скромный человек – я вижу, как её все обижают. И вы обижаете. Но она всегда всем прощает.

ЛИДИЯ. Так, понятно... Анна, паспорт ты больше не увидишь. А то, не дай бог, этот божеский человек тебе совсем мозги набекрень свернёт. И даже не вздумай у меня в комнате рыться!.. *(Трясёт паспорт у Анны перед носом.)* Я его своей старой знакомой отдам.

АННА. Горбоносовой?

ЛИДИЯ. Нет, не Горбоносовой. Ты её близко не знаешь.

ИГОРЁК. Лидия Васильевна...

ЛИДИЯ. Петровна я.

ИГОРЁК. Лидия Петровна, то что вы делаете... это дискриминация личности. Даже нарушение закона. Верните, пожалуйста, паспорт Анне Семёновне.

ЛИДИЯ. Ой, какие умные слова.

Из залы раздаётся плач ребёнка. Света спешно уходит к ребёнку.

Ребёнок из-за вас проснулся. Давайте-ка, покиньте помещение.

ИГОРЁК. Я никуда не пойду, пока вы не пообещаете, что не будете обижать Анну Семёновну.

ЛИДИЯ. Щас! Ещё в собственной квартире я буду перед кем-то обещания раздавать. Анна, убирай своего мужика, пока я его не выкинула!

Анна стоит не шелохнувшись.

Ну, сама напросилась!.. (*Подходит вплотную к Игорьку.*) Повторяю для слабослышащих – убирайтесь отсюда вон!

Игорёк сидит не шелохнувшись.

Не понимаете словами? Хорошо, будем руками!..

Лидия Петровна хватается за руки и тащит из-за стола. Игорёк упирается.

Грязь мне разносят!.. Бомжатник устроили!.. Сволочи!..

СВЕТА (*из залы*). Mam, чего там за возня у вас?

Баба Анна хватается за сцепленные руки и тащит в свою сторону.

АННА. Лидка, не трогай человека! Отцепись, говорю!

ЛИДИЯ. Ах ты, гнида старая – против дочери идёшь!

АННА. Отцепись, Лидка!..

В самый разгар битвы в квартиру заходит Юрка. Услышав возню, он влетает на кухню.

ЮРКА. Задолбал!..

Юрка хватается под мышки Игорька и практически выносит его вон из квартиры.

АННА (*крича вслед*). Юрка, оставь его!

ЛИДИЯ (*крича вслед*). Юра, выставляй его из подъезда! Гад, ещё упирается в чужой квартире!.. Так, Анна, можешь убираться к своему Игорьку в канализацию. Мне здесь зараза не нужна. Тут маленький ребёнок. У меня здесь ценные вещи. Всё! До свидания!

Анна проскальзывает к себе в комнатку ни говоря ни слова.

Светка, дверь этой гадине больше не открывать! Бабку Анну – в Дом престарелых. (*Кричит в дверь комнатки.*) Шизофреникам тут не место!

СВЕТА. Mam, Дашка только что уснула.

ЛИДИЯ. Дашка уснула. Хоть бы на шум выбежала, матери помогла. Если бы не Юрка, он бы может зарезал меня.

СВЕТА. Мам, хватит чушь городить.

ЛИДИЯ. Как же все вы надоели мне.

СВЕТА. Не бойся, Юрка уже договорился. Через неделю уедем.

ЛИДИЯ. Ну и валите! Вот – Бог, а вот – порог.

Дашка начинает хныкать.

СВЕТА. Мам, я тебя щас урою! *(Подскакивает к матери.)*

ЛИДИЯ. Урою – тюремщица! Наверное, была бы возможность, из дома бы выгнала.

СВЕТА. Да что же ты заткнуться не можешь! *(Закрывает ей рот ладонью.)*

ЛИДИЯ. Это родной матери так вот рот затыкать!.. Ах ты, вертихвостка! *(Хватает дочь за руки и тянет в сторону.)*

СВЕТА *(стараясь вырвать руки и дёргая мать).* Сама вертихвостка!.. Мне бабка Аня всё рассказала... перед Юркой тут голая плясала!.. Без мужика уже с ума сходишь, на любого готова броситься!

ЛИДИЯ. И ты этой холере поверила?! Это Анна твоему деду изменяла, а я всю жизнь прожила без любви и без внимания. Не жила, а мучилась.

СВЕТА. И всех измучила... Поэтому и отец от тебя сбежал.

ЛИДИЯ. Так я знала, что он меня не любит, Света. Но я жила с ним – только ради тебя!

СВЕТА. А надо было жить ради себя. Твои жертвы никому не нужны. Посмотри, ты ведь в чудовище превратилась.

ЛИДИЯ *(задыхаясь от негодования).* Это я-то чудовище!.. Да я святая по сравнению с вами. Святая!

СВЕТА. Ты ё...тая вместе со своей матерью! Вы – святые уроды, вот вы кто! У-ро-ды!

ЛИДИЯ *(отпуская руки дочери).* Всё... Светка, я тебе таких слов не прошу... Хоть сейчас уходите.

СВЕТА. Ничего. Недельку потерпишь.

Лидия Петровна уходит к себе в комнату. Света идёт успокаивать Дашу. Из своей комнаты выходит бабка Анна в старомодном плаще, нарядном платке и с сумочкой. В прихожей она сталкивается с вошедшим Юркой.

ЮРКА. Баб Ань, ты куда? Как на свиданье нарядилась.

Анна прикладывает палец к губам и уходит.

Что за семейка. Дурдом на гастролях.

Прошла неделя. В квартире стало как-то пусто. Исчезли картины, кашпо, маленькие иконочки с холодильника и полок. Только одна абстрактная картина, изображающая «космические грёзы», висит на стене. Лидия Петровна и Света сидят в зале на диване. В прихожей стоят чемоданы и детская коляска с ребёнком.

СВЕТА. Мам, за Дашку не беспокойся. Корчевский надёжную няньку нашёл. И недорого.

ЛИДИЯ. Ваша семья: что хотите, то и творите. Ты мать всё равно не слушаешь. Ладно уж: если что не так, пиши сразу, помогу чем смогу. Может, приехать надо – на вахте вместо меня посидит кто-нибудь, чай, не пороховой завод. Юрка-то чё опять в театр, что ли?

СВЕТА. На театральную зарплату в Москве попробуй-ка проживи, надо же ещё и за жильё платить.

ЛИДИЯ. Светка, у меня денег нету. Не надейся.

СВЕТА. Mam, не надо, а. Юрка на курсы пойдёт, будет компьютер учить. Сейчас все знание компьютера требуют. Станет хорошим специалистом – с руками оторвут.

ЛИДИЯ. Ну, дай-то бог!

СВЕТА. Mam, ты бы Аню домой вернула, а. Ну что теперь всю жизнь как волки будете.

ЛИДИЯ. Откуда я её верну, скажешь тоже. Она теперь у этого Игорька где-то скрывается. Уже четвёртый день нету. Вон, записку в ящик бросила... *(Достает из кармана платя сложенную записку. Читает.)* «Лида, не беспокойся, за квартплату отдам с пенсии. Игорёк обо мне заботится. Анна». Рехнулась она, что ли, на старости лет? Игорёк какой-то... Бабаев был бы, он бы из этого Игорька всю душу вытряс.

СВЕТА. Mam, Юрка интеллигентный человек...

ЛИДИЯ *(перебивая)*. Ой, ладно! А то ещё перед дорогой поссоримся. Где муж-то твой?

СВЕТА. Пошёл в дорогу чего-нибудь купить.

ЛИДИЯ. Специально, чтобы мои котлеты не брать? Я ведь не попрекала его, я просто смотреть не могу, когда человек всё делает не по уму, а по...

СВЕТА *(перебивая)*. Mam, ты сама сказала, не надо ссориться.

ЛИДИЯ. Молчу, молчу.

Входит Юрка с пакетами: пакеты большие, и держать их неудобно.

ЮРКА. Света! Помоги, а то уроню сейчас.

Света торопится в прихожую и берёт два пакета у мужа из рук. Несёт их на кухню, туда же идёт и Юрка. Следом за ними в кухню входит и Лидия Петровна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.